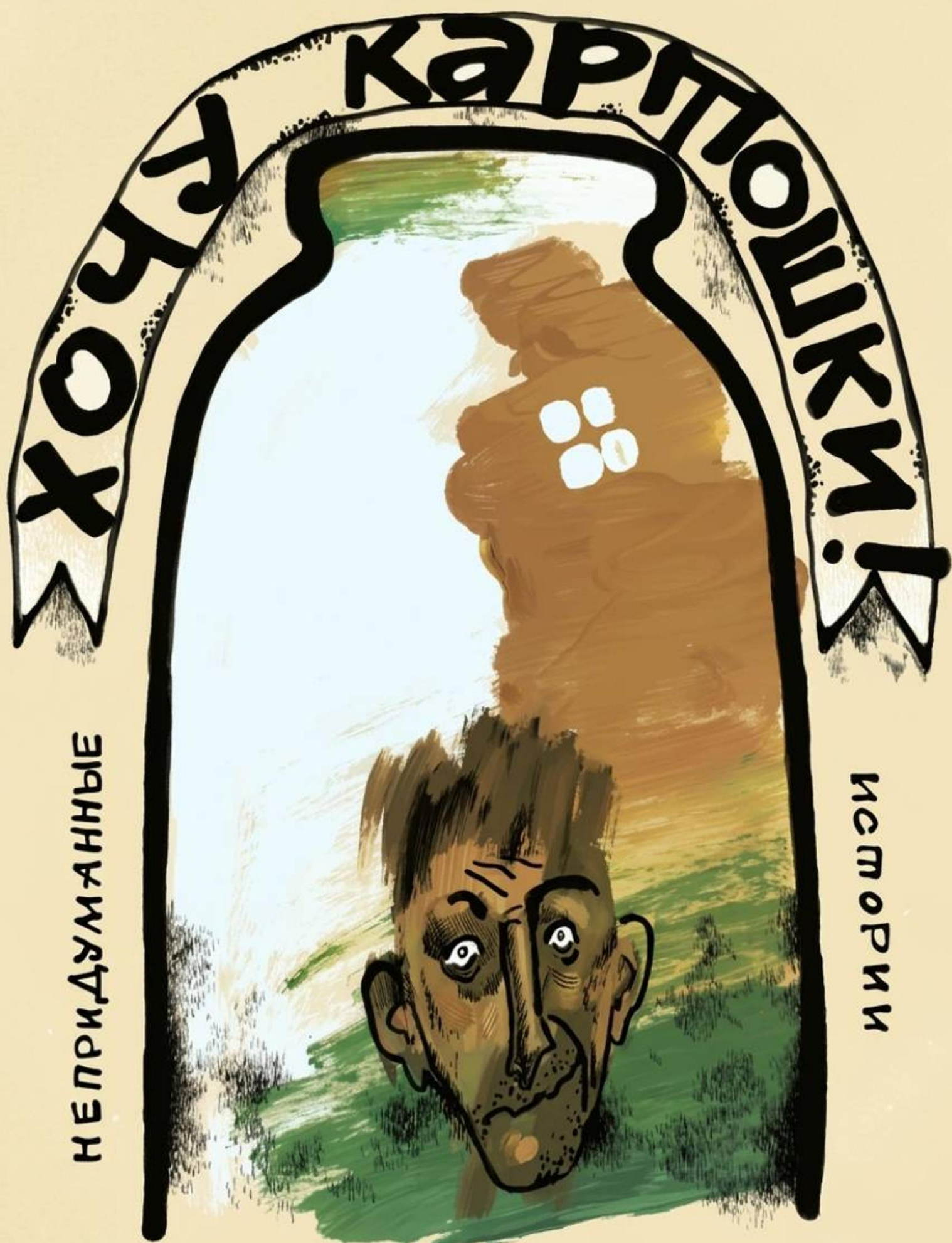

тапьяна желудкова

истории

НЕПРИДУМАННЫЕ

Татьяна Желудкова

Хочу картошки

«Автор»

2026

Желудкова Т. А.

Хочу картошки / Т. А. Желудкова — «Автор», 2026

«Хочу картошки» — книга о жизни, рассказанная через судьбы обычных людей. В этих историях нет выдуманного блеска и идеальных героев. Здесь есть любовь и разлука, семейные тайны и воспоминания, радость встреч и боль потерь, случайности, которые меняют жизнь, и маленькие события, которые неожиданно становятся важными. Герои Татьяны Желудковой живут, любят, ошибаются, ждут и надеются. У каждого — своя история, свои переживания и свой путь. Иногда эти истории заставляют улыбнуться, иногда — задуматься, а иногда напоминают о том, что за привычными словами и поступками человека всегда стоит что-то большее. Это книга о памяти, семье, человеческой доброте и времени, которое оставляет свой след в судьбах. О простых людях, чьи истории кажутся знакомыми, потому что в них легко узнать что-то настоящее — из собственной жизни, жизни близких или тех, кого мы когда-то встречали.

© Желудкова Т. А., 2026

© Автор, 2026

Татьяна Желудкова

Хочу картошки

Татьяна Желудкова
ХОЧУ КАРТОШКИ

(Непридуманные истории)

АННОТАЦИЯ

«Хочу картошки» — сборник непридуманных историй Татьяны Желудковой о людях, чьи судьбы складываются из простых, узнаваемых и порой драматичных событий. В рассказах рядом существуют семейная память, любовь, утраты, человеческая стойкость, сельская жизнь и повседневные радости. Автор внимательно всматривается в характеры своих героев — иногда с мягким юмором, иногда с горечью и состраданием.

Перед читателем проходят разные судьбы: возвращение солдата из Афганистана, семейные истории нескольких поколений, неожиданные встречи и маленькие чудеса, которые случаются в обычной жизни. Герои книги ошибаются, спорят, теряют и находят, любят и заботятся друг о друге. Их истории напоминают о том, насколько хрупкой бывает жизнь и как много в ней зависит от человеческого тепла, памяти и способности не отказываться от надежды.

Это книга о простых людях и настоящих чувствах — о том, что за каждой судьбой стоит своя история, а за внешней обыденностью часто скрывается целый мир.

УПЁРТЫЙ ...Василий с дочкой Ниной ехали на поезде из Куйбышева в Кузнецк. Нина сидела у окошка и любовалась полевыми цветами: васильками и ромашками. Ромашки были на высоких ножках с крупными головками. “Глазастые какие, — думала Нина, — а васильки синие, как моё новое сшитое платье. ... Трава на лугах какая нежная...” Она тогда ещё не понимала, что зелень только в начале лета бывает особенной: не запылённая, не обожжённая солнышком. Ехали Нина с отцом к папиным родителям — Ивану Егоровичу и Анне Ильиничне. Дома мама осталась с Юрой — братиком Нины. Он был болезненным мальчиком, в дорогу его брать пока не решались. Иван Егорович и Анна Ильинична очень обрадовались приезду сына и внучки. Василий каждый год брал очередной отпуск в начале июня, чтобы отвезти дочку к родителям на летние каникулы. ...От радостной встречи каждый спешил сказать что-то своё, перебивали друг друга новостями, весело смеялись. Пока Василий вынимал из синей матерчатой сумки гостинцы: сыр, колбасу, конфеты-карамельки, Анна Ильинична суежилась возле печи: доставала чугуны с наваристыми щами, пшённой кашей. Наутро Юрка, как и обещал, приехал с передачей. Через окно для передач у него приняли батон, трёхлитровую банку жареной картошки. — Сынок, уж не на весь ли роддом ты привёз картошки? — спросила его седоволосая пожилая нянечка. — Что-то многовато для одной-то. — Ничего, мать, пусть ест. Сына она мне родила. Постаралась. — Ну-ну. Я передам, ты не волнуйся. Раз угодила, пусть ест на здоровье, — улыбнувшись, нянечка скрылась в коридоре. Юрка завернул за угол роддома, нашёл заветное окошко. Марина как раз принимала передачу. Трёхлитровую банку картошки взяла осторожно. Увидев в окно лицо мужа, она покрутила пальцем у виска. Потом указала на банку: зачем столько картошки? Юрка прокричал: — Ты, самое главное, ешь, Марин, поправляйся! — Да что я, корова, что ли, чтобы столько съесть? — Ничего, ничего, аппетит приходит во время еды. Тебе кормить надо. Она поела чуть-чуть и вернула банку с картошкой мужу. — Марин, а что тебе завтра принести? — Колбасы. Немного. На следующий день Юрка принёс каталку колбасы. Марина отрезала граммов двести, остальное вернула. Про количество продуктов больше ничего не стала говорить. Поняла — бесполезно. ... Сыну Марины и Юры идёт тринадцатый

год. На каждый его день рождения Марина вспоминает чудачества мужа, а Юрка жарит картошку – у него это здорово получается.

– Вася, давайте с Нинулей мойте с дороги руки. Сейчас будем обедать, – распорядилась Анна Ильинична. Василий закатал рукава клетчатой рубашки, взял кусок земляничного мыла, лежащего на дощечке возле рукомойника, стал тщательно намыливать руки. Ополоснув водой руки, лицо и шею, вытерся льняным полотенцем, висящим над рукомойником. Полотенце было старенькое, реденькое, по его краям уже выцвели сиреневые полоски, но оно было очень мягкое и приятно пахло родительским домом. Ниночка тоже умылась. Зачесала волосы, растрепавшиеся в дороге, бабушкиным деревянным гребнем, лежащим в уголке на приступке печи. Поправила пояс на платье. – Ну, мои дорогие, готовы? – Анна Ильинична резала хлеб, раскладывая его на тарелке. – Садимся к столу. Над голубыми тарелками с ароматными щами вился лёгкий парок. В дороге Василий и Ниночка успели проголодаться, поэтому быстро взяли ложки, с удовольствием стали есть. – Ешь, ешь, внученька, – Анна Ильинична подкладывала кусочек мяса, – у нас щи особенные: распаренные, настоянные. Ниночка не отличалась аппетитом, а тут не только щи, но и кашу уплетала за обе щеки. За обедом все разругались. Ивану Егоровичу на радостях по поводу приезда сына и внучки была выставлена на стол бутылка водки, чему он был несказанно рад. Сын к горячительным напиткам относился равнодушно, поэтому Иван Егорович предоставленной возможностью пользовался с большой охотой. – Ой, подождите! – воскликнул Василий. – Что же это я забыл? – Он кинулся к шкафчику за ножом, чтобы порезать сыр и колбасу. Сначала занялся сыром. Ноздреватый, жёлтый, похожий по цвету на луну, он ложился ровным рядком. Потом нарезал колбасы: – Пап, мам, угощайтесь!

Анна Ильинична взяла кусочек сыра, надкусила, прожевала: – Ой, сынок, вкусный! – потянулась за вторым кусочком. – Пап, а ты чего не пробуешь? – Чего не ел, того и пробовать не буду, – сказал, как отрезал, Иван Егорович. – Пап, да ты что? Вкусно же! – уговаривал Василий отца. – Сказал, не буду. Не приставай. Вот колбаску я отведаю, – Иван Егорович неуклюжими пальцами брал колбасу с тарелки. – Вкусная, – смаковал он под очередную стопку. – Да и сыр вкусный, – не унимался Василий. – Не уговаривай. Колбаса на мясо похожа. Это мне знакомо. А сыр не знакомый. – Ну, вот и познакомься. Он ведь из молока сделан. – Ну, надо же. Молоко жидкое, а сыр твёрдый, – упрямылся Иван Егорович. – Молоко сначала сквашивают, – Василий пытался убедить отца, – потом сыворотку отделяют от творога, в творог добавляют яиц, масла и варят. Очень долго. Получается сыр. – Сынок, да что ты его, как маленького, упрашиваешь, – взмолилась мать. – Мам, больше не буду. Обед заканчивался чаем с мятой, заваренным в кастрюльке. Пряный запах приятно щекотал ноздри. Кусочки расколотого комкового сахара таяли у всех во рту. – Хорошо! – Василий допил последний глоток из чашки. – Скоро у моей сестры Кати поспеет смородина, Ниночка будет ходить к ней за ягодой, – Анна Ильинична сняла головной платок, – будем смородиновый чай заваривать. Из смородины он тоже будет душистый. – А знаете, какая у меня есть задумка? – обратился Василий к родителям. – Рассадить свой сад. Осенью привезу – А вон, Марин, видишь, какая дырка в полу? (В машине и впрямь была маленькая дырочка). А вдруг ты туда провалишься? Как Марине и было тошно, но тут она не выдержала: – Ой, Юрка, я боюсь, что ты родишь сегодня вперёд меня! Ой! Ой! Скорая быстро доставила их до роддома. Быстро оформили карту роженицы. Палата оказалась на первом этаже. Юрка отыскал Маринкино окно. Высокий рост позволял ему видеть мучения жены. Его тоскливые глаза сквозь стёкла беспомощно блуждали по палате. Схватки у Марины становились всё чаще и чаще: она опиралась на щиток кровати, наклонялась над ним. Руками касалась стен, словно искала точку опоры и спасения от боли. Испарина выступила на лице. – Иди домой, – махнула рукой мужу. – Потом позвонишь. Медсестра повела её в родовую. Через два часа Марина родила сына. Измученная и счастливая, она ещё лежала на

столе, когда начались звонки. Она догадалась, что это её Юрка беспокоится через каждые пять минут. Медсестра после трёх звонков уже кричала громким голосом: – Да! Да! Родила! Пшеничникова родила сына! Три пятьсот. Рост пятьдесят. Ну, сколько можно повторять? «Юрке сегодня, похоже, хуже, чем мне. Всё делал шиворот-навыворот», – Марина поглядывала на сына, лежащего в углу на детском столике. Тот почмокивал губами. К вечеру Юркины глаза опять глядели в палату жены: – Марин, Марина, тебе чего принести поесть? – кричал, надрываясь, он. Она написала на бумажке. «Хочу картошки! Жареной!» – приложила к стеклу. – Мариночка, завтра с утра!

Юрка опрометью кинулся в комнату матери: – Мам, Марина рожает! Надо Скорую вызвать! Ты уж вызови! – он вернулся в свою комнату: – Марина, щас, мать вызовет. Тебе помочь? – Помоги дойти до ванны: надо принять душ. Марина с горем пополам ополоснулась, с оханьем, аханьем накинула халат. Стала искать свежее бельё. Юрка исчез из комнаты. Боль разламывала Марине поясницу. Свекровь суетилась: – Всё. Скорую я вызвала. Ты уж потерпи, Марина. Сейчас она приедет. – А где Юрка-то, мам? Он же должен меня сопровождать. Куда он подевался? – Марина окинула взглядом кухню и коридор, но мужа не увидела. Хватаясь за живот, она пошла в ванную: Юрка в белой майке и цветастых трусах сидел на табуретке, ноги – в тазике с водой. – Юр, а ты чего надумал ноги мыть? – Марин, а чё делать-то надо? – Меня везти в больницу! Ой! Ой! – Она упёрлась лбом в тусклую белую дверь ванной. – Ой! Юрка, тебе крышу, что ли, совсем снесло? – Марин, я всё. Я вылезаю. Вот смотри, – он вынул ноги из тазика, с ног капало. – Ты можешь вытереть ноги полотенцем или нет?! – Марина опять закричала пронзительное: – А-а-а-а-...! Свекровь помогла Марине одеться, Юрка беспомощно топтался рядом. Их уже ждала Скорая. В машине супруг крепко прижал к себе Марину. Росточка она была небольшого: уместилась где-то подмышкой мужа. Её светлые волосы выбились из-под шапки и разметались по рукаву Юркиного пальто. – Юр, ты чего так крепко меня держишь? Мне и так дышать нечем! Ой! Ой! – Она закусила губу. саженцев: вишни, смородины, яблонь. А то дочка ходит к тёте Кате с бумажным кулёчком через весь город из-за стакана смородины. – Да пусть гуляет. Что тебе, сынок? Молоденькая она – не устанет. – Да не в этом дело, мам. Я беспокоюсь: этой же дорогой проезжает много машин. Мысли в голове всякие бывают. – Да так-то оно так. Я тоже волнуюсь, когда её провожаю. Василий сладко потянулся. – Если свой сад развести, в любое время можно выйти из дома и набрать любой ягоды. Быстро закончился отпуск у Василия, засобиравшись он назад, в Куйбышев. – Ну, мама, я завтра уеду. Нину, как всегда, оставляю до конца лета. К сентябрю приеду. Дела, какие были запланированы, мы с отцом сделали: дров накололи, террасу подправили... Мам, ты уж дочке напоминай, чтобы к бабе Кате ходила не по большой дороге, а по тротуару. – Не беспокойся, сынок, всё будет хорошо. А напоминать про дорогу ей обязательно буду. Наутро Василий уехал. Ниночке нравилось у бабушки с дедушкой. С самого утра солнышко шалило в листочках берёзы, играло и не жило их в своих тёплых лучах. Ветерок не отставал: раскачивал длинные ветви.... Бабушка, прибравшись на столе, выходила из дома: – Пойдём, внученька, займёмся морковкой, а то она уже зарастает сорняком. Ниночка легко вскакивала со ступенек, подпрыгивала, устремлялась за бабушкой. – Ну вот, это морковка, – бабушка показывает внучке маленькую метёлочку, – её мы оставляем. А вот эту сорную траву будем вырывать, чтобы не мешала расти морковке пышной и красивой.

ХОЧУ КАРТОШКИ

Маринке снится сон: она рожает, мечется в испарине по истерзанной подушке. Задышится от боли. От громкого стога и от раздражающей боли внизу живота она проснулась: – Ой, ой! Ой, умираю! – Марина поняла, что сон стал явью: она была на последнем месяце беременности. – Юрка, Юрка, вставай! Ой, мамочка, рожаю! – она неловко толкала мужа свободной

рукой. Другой рукой хваталась за низ живота. – Что? Что, Марин? – Юрка с всклоченной головой слетел с постели. – Мариночка, что с тобой? Тебе плохо, да? – Юра, рожаю я! – Марина корчилась от боли, потихоньку спускала ноги с кровати. – А может, всё обойдется, а, Марин? Посмотри, за окошком темно, – Юрка для убедительности отодвинул штору. – Может, поспим ещё? – бледный и растерянный, он попытался погладить жену по голове. – Ты меня слышишь? Рожаю я! – Слышу. А мне что теперь делать? – Скорую, Скорую вызывай! – А как туда звонить, Марин? Я номера не знаю! – Ой, господи! Да Скорая всегда по ноль три вызывается! Ты что, первый день на свет родился? – Маринка ногами нащупала шлёпанцы. – Иди, скажи матери, чтоб вызвала. Ой! Ой! – новый приступ боли заставил её согнуться над кроватью.

пыталась отогреть и вернуть того прежнего Юрку, с которым связывала когда-то свои надежды на счастливую жизнь. – Мам, ну, мам, – мальчишки, кусая губы, неловко обнимали мать, – ну хватит, мам. Мать металась на груди у сыновей, рвала душу новыми причитаниями: – Ох, родненькие мои, хоть сейчас дайте выплакать всю боль. Мне отнести печаль некуда. Горящие свечки на гробу стреляли и горбились от чужого горя. Опуская горсть стылой земли на Юрин гроб, Тамара доплакивала: – Жить с нами не захотел, свалка не спасла. Теперь тебе будет спокойно.

Когда после похорон вернулись домой, мать попросила сыновей об одном: – Женитесь, мальчишки. Обзаводитесь семьями, берегите детей, жалеите жён. Не дай бог никакой бабе прожить такую судьбу, чтобы вместо мужика в доме гулял сквозняк...

Часа два бабушка с внучкой работают на грядке. Работу их сразу видно: ровные, разреженные рядки морковки зелёной строчкой радуют взгляд. Передохнув, бабушка хлопчет с обедом, Ниночка зачитывается книгой. Вечерами они подолгу сумерничают. Дед, правда, с ними не засиживается: поужинает, забирается на печь, сдвигая ноги в серых носках на край. Он даже летом не любил спать на кровати. Ниночка с бабушкой пьют чай. В распахнутые окна залетает ветерок, резко пахнет герань. После чая бабушка садится за вязание носков, Ниночка слушает бабушкины воспоминания и зачастую незаметно засыпает под неторопливый её говор. ...В конце августа Василий приехал за дочкой. Собираясь в обратную дорогу, сказал отцу: – Пап, про саженьцы помню. В октябре постараюсь с попутной машиной приехать. Ты тут прикинь, где и что будем сажать. – Ладно, – буркнул отец. Василий сдержал слово. В октябре привёз саженьцы. Сгрузил их с машины, потом бодрый и весёлый ходил с лопатой по огороду, копал ямы для кустарников, удобрял их навозом. Отец помогал ему нехотя. – Пап, тебе что, сад иметь не хочется? – Конечно, нет. – Почему? – Для картошки мало места останется. – Пап, да ты что? Двадцать соток земли. На десяти сад разведем, а на других десяти посадим картошку. Я думаю, её будет достаточно. Пап, но зато, когда разрастется сад, знаешь, как будет красиво! И свои ягоды будут, яблоки... Василий высадил саженьцы и на другой день уехал к семье.

Прошла зима, растаял снег, зажурчали ручейки, защелбтали птицы, а тоненькие прутьики-саженцы выпустили первые нежные зелёные листочки. Анна Ильинична выходила в огород, радовалась: – Васин труд не пропал даром! А вот когда подрастут, превратятся в деревья, такая красота будет! – Будет, будет, – ворчал Иван Егорович, – картошки мало будет, узнаешь тогда. – Вань, – обращалась к нему Анна Ильинична, – что ты такой неснорованный? Сыну хочет уважить нас, стариков, сад развести старается. И мы ягодку будем есть. – Не пробовал и не буду. – Господи, ну что с тобой поделаешь? Опять – двадцать пять. Ты ему – своё, он тебе – своё, – махнув рукой, уходила с огорода Анна Ильинична. ...Пролетело пять лет. Василий привозил к родителям уже всю семью: Юра подрос, болеть стал меньше. Саженьцы год от года становились сильнее и больше. Повзрослевшая Нина уже три года не ходила к бабе Кате за смородиной: плодоносили свои кустарники. Яблоньки принесли первые несколько плодов. Ниночке и Юрочке они пришлись по вкусу. – На следующий год будет и вишня своя, – приго-

варивала Анна Ильинична. – Дед, посмотри на эту красу, – обращался к отцу Василий. – Зато картошки мало, – мрачно сетовал Иван Егорович. – Но разве на год не хватает картошки, отец? – Хватает. – Не понимаю я тебя, пап. – Не обращай внимания на его слова. Наверное, старость виновата, – Анна Ильинична пыталась скрыть всю неловкость и перед невесткой Валентиной, переводила разговор: – Варенье из антоновки будем варить. Она такая души-и- истая, – бабушка мечтательно прикрывала глаза. – Тамара Михайловна, нужна Ваша помощь. На свалке обнаружен труп мужчины, замёрз. Опознать сможете? – Куда деваться? – Тамара с обречённым видом надела пуховик, шапку. – Идёмте. «Юрка такой молодой, сорок лет недавно исполнилось. Только был бы не он, – думала Тамара, – ещё ведь всё можно исправить».

В морге оказался её Юрка. Она сразу опознала его по откинутой левой руке – средний палец на ней был коротким: семиклассником рубили с отцом дрова на подворье – нечаянно оттяпал верхнюю фалангу. В переднем углу Юрка лежал в гробу, обитом красным ситцем. Чистенький, умиротворённый. Хороших друзей у него не осталось, в сторонке жались три шаромыжника – в них жила надежда на поминальный обед со спиртным. В изголовье стояли сыновья с опущенными светлыми головами, мяли в руках головные уборы, да Тамара, не перестающая причитать о горькой судьбе мужа, а заодно – о своей несладкой: – Юрка, Юрка, что тебе не жилось на свете белом? Какой ты был хороший да статный. Вон какой на фотографии улыбочивый, – это я тебя от нашей общей фотографии отрезала. (Помнишь, как мы бродили в парке?) – Тамара в безысходности гладила воротничок его новой голубенькой рубашки, чёрный с серыми пупырышками пиджак. – Юра, а пупырышки на пиджаке, словно маленькие кочки по земле, сплошь и рядом – как твоя судьба. – Она касалась его холодных рук. – Ой, Юрочка, руки у тебя совсем ледяные, как кусочек льда в моём сердце от твоих приходов и уходов. Помнишь? Ах, да! Ты не можешь помнить, как после твоих уходов гулял сквозняк по квартире! Мальчишек укрою, а сама стыну, – горячие Тамарины слёзы капали в гроб, на отложной воротничок рубашки. Словно она своими горючими слезами

Пока она кружилась с ребятишками, Юрка располагал своим временем как хотел: стал прикладываться к рюмке. Допился до того, что уволили его из ЖЭКа с должности слесаря – сантехника. Пошли перестроечные времена, хочешь работать – работай. Не хочешь – иди на все четыре стороны. Юрка частенько стал пропадать на городской свалке: соберёт там бутылки, сдаст в приёмный пункт, побежит четвёрочку купит, опохмелится, домой заглянет: – Тамар, ну как вы тут? Жена поначалу плакала, просила опомниться: – Юр, ну, посмотри на мальчишек, – Коля и Вовка выглядывали из-за материнской спины, – их обувать, одевать надо. А от тебя никакой помощи! – Ты, Тамар... это, не обижайся. Вот работу найду и всё наладится. Потом Юрка стал приходить реже. Оборванный, грязный стоял на пороге. Безумные глаза, страшный, как зверь. Тамара смотрела на него безучастно, уже не плакала. Подростки сыновья стыдливо опускали глаза. – Ну что, Юр, работу нашёл? – спрашивала Тамара, скорее, по инерции. – Да вот обещают. – Понятно, – Тамара перекидывала полотенце через плечо, шла в ванную. Юрка уходил, не закрывая за собой дверь – лёгкий сквознячок бродил по коридору, напоминая о коротком появлении хозяина. Глубокой осенью наведаясь в квартиру Тамары участковый: – Тамара Михайловна, Иванчев Юрий Петрович Ваш супруг? – Да вроде того. – Это как? – На бумаге – супруг. А так – супруга у меня уже нет давно. ...Прошла ещё одна зима. – Ну, вот и весна опять, – радовалась Анна Ильинична. Когда снега не стало, приготовила раствор из извести, прихватила кисть для побелки деревьев, вышла из дома. – Ой! Ой! – она испуганными глазами смотрела на то место, где был сад. – Дед! Дед! Скорее сюда! Безжизненные, порубанные деревья валялись на земле. Слёзы горошинами текли по щекам старушки. Она выронила ведро с известью, и та, растекаясь, смешивалась с землёй, превращалась в грязную жижицу. – Анна Ильинична метнулась в дом: – Дед! Вставай скорее! Кто-то порубил наш сад! Иван Егорович неподвижно лежал на печи, укрывшись фуфайкой. Встать не собирался. – Да

ты, чёрт окаянный, не слышишь, что ли, что я тебе говорю? Сад порубили! И вдруг смутная догадка промелькнула в голове Анны Ильиничны: – Да-а...да-а... уж не ты ли это сделал? Ах, ты, идол! – застонала Анна Ильинична, сползая по стене и хватаясь за сердце. Целый день она не могла прийти в себя: пила сердечные лекарства, а сама боялась взглянуть на то место, где был сад. – Варвар, вот варвар, сумел расправился с такой красой... Как теперь Васеньке сказать об этом? Сын в письмах справлялся о здоровье родителей, интересовался садом. В ответных письмах мать выводила «каракули» о своём житье-бытье, о погоде, о саде – ни слова. Она решила ничего о нём не писать: врать не хотела, а правда была горькой. ... В очередной приезд, сойдя с поезда, Василий по пути домой нёс тяжелые вещи, шутил с женой, детьми. Подойдя к родительскому дому, открыл калитку. И обомлел: сада как

Потом до полночи сидела, читала энциклопедию фермера. Думала, может, встречу описание странного случая с моим петухом. Много разных заболеваний там перечислялось, но такого случая не было. «А что, – подумала я тогда, – кошка живёт девять жизней. – Может, это и у петушка была не единственная, а вторая или даже третья?» Наутро петушок к зёрнышку подбежал первым... СКВОЗНЯК

Тамара осталась сиротой. Соседка посоветовала: – Давай, Том, иди учись на повариху – голодной не будешь, и то хорошо. Послушалась Тамара доброго совета и два года училась варить щи и борщи. Закончила училище на пятёрки, по направлению оказалась в небольшом красивом городке. В заводской столовой шустрая веснушчатая девчонка освоилась быстро: с кастрюлями управлялась ловко. Вечером придёт с работы, быстренько накрутит кудри и бежит в дом культуры на танцульки с подружками по общежитию. Весёлая и необидчивая, она быстро приглянулась долговязому технику Юрке, за него и вышла замуж. Камышовый цвет Томкиных глаз стал светлее. Глубь их словно очистилась от ряски в заводи. Они теперь наполнились тихим восторгом, счастьем. Родила двух мальчишек.

Я решительно, но неумело свернула петуху шею – он задржал ногами. Бросила собаке. Глядеть не стала, как белоснежная Белка, с чёрными пятнами вокруг глаз, будет расправляться с нечаянным лакомством. Настроение было отвратительное, но я пересилила себя – занялась делами в доме. Постирала бельишко, пошла во двор. Развешивала платок и... боковым зрением увидела важно разгуливающего по двору петушка! – Ой, что это? – мне почудилось, что это петушок, которого я только что насильственно лишила жизни. Может, белая горячка? – хоть пристрастия к спиртному не имела, но на всякий случай потрогала голову: «Гм, даже не горячая». – Белк, петуха съела? – собака смотрела на меня умными глазами. – Я заглянула в её будку. Следов пиршества не обнаружила: перьев не было, крови – тоже. Я промчалась мимо вдруг воскресшего петуха, принялась считать по головам кур в курятнике: – Раз, два ... сорок пять. Во дворе – сорок шестой, – опять приложила руку к голове. – Ой, что же это такое? Получается, петушок отживел? Вышла из курятника, петух стоял, вызывающе косил озорным глазом. «Петь, да я, похоже, провела тебе мануальную терапию! А, может, я обладаю экстрасенсорными способностями?» Я ещё раз сбегала к собаке: не ела петушка Белка и всё тут. – Ну, Петя, иди, милый, на свой насест, коли смерть пробежала мимо. Но Пете понравилось гулять по двору – вёл себя вызывающе: на мои уговоры не реагировал. Я долго носилась за ним, как угорелая: – Ах, ты, паразит такой, мало того, что не сдох, так ещё нервы мотаешь! Кыш, сказала, на место! Петушок куражился: я побегу за ним в правый угол двора, а он – шмыг – и уже в левом углу! А потом – наоборот! Я грозилась топором, но Петька долго не поддавался на уговоры. Бегал, как шальной, испытывал, наверное, моё терпение. С большим трудом, наконец, загнала в курятник. не бывало, всё было, как прежде: по всему огороду зеленел картофель. Мать торопилась навстречу: – Васенька, ну, что с ним, бестолковым, поделаешь? Он сразу понял, о ком идёт речь. Отец в старой поддёвке тоже вышел встречать детей,

для приветствия протянул руку сыну. Василий медленно подал руку отцу: – Ну, что, отец? Живём в лесу – молимся колесу? Эх-хе-хе... Молчание было неловким. ...Поздней осенью Василий привёз много новых саженцев. Он опять ходил по огороду и закладывал новый сад. – Буду опять украшать землю, отец. – Ты прости меня, сынок. Сам не пойму, почему я такой упёртый... Василий опирался на лопату, передыхал, сам смотрел куда-то вдаль. Он верил в то, что будет заниматься этим делом до тех пор, пока не увидит белоснежное, ажурное зарево от цветения нового сада.

КОЛЬКА-АФГАНЕЦ

Посвящается Васюкову Николаю Ивановичу Колька рос единственным ребёнком в семье. Вихрастый, с широкими скулами, с ободранными коленками, носился с соседскими мальчишками по посёлку. Особенно любил летние каникулы: успевал переделать много ребячьих дел – удил рыбу на утренней заре, купался до изнеможения в пруду, катался на велосипеде. Мать – Екатерина Ивановна, прежде чем стирать Колькины брюки, тщательно проверяла карманы – в них она всегда находила какие-то гайки и болты. – «Вот монтёр-то растёт», – удовлетворенно приговаривала она вполголоса и отправляла Колькины брюки вместе с брюками отца – Ивана Анисимыча в стиральную машинку. Колькин отец работал комбайнёром. Сын каждый день прибегал на полевой стан, приносил в сумке обед: бутылку молока, краюху хлеба, картошку, пучок зелёного лука. После обеда Колька частенько забирался в кабину комбайна. Отец ловко управлял рычагами, мотор ревел, за комбайном стелились ряды свежескошенного ячменя. – Папка, я, когда вырасту, буду трактористом или комбайнёром! – выпаливал отцу вспотевший и запыхавшийся Колька. Не сразу, но я обратила внимание, что куры в толчее через что-то перепрыгивают. Когда куриная стая оказалась возле зерна, я поняла, что им мешало на пути: один петушок лежал пёстрым скомканным платочком, ни на что не реагировал. Я подошла к нему, потрогала галошей: «Не жилец, похоже... И что с ним случилось, непонятно. Вчера носился по курятнику, а нынче, пожалуйста, валяется. На одну голову теперь будет меньше: было сорок шесть, станет сорок пять. Не дай бог, инфекция какая. Тогда держись. Всей птицы можно лишиться. Ну, ладно, труба зовёт – другие дела делать надо, с петухом разберусь позже». Сходила в дом, взяла маленькое ведёрко – пора доить козу, – отправилась в другой загон. Коза встретила меня радостно: заблеяла, широко раздувая ноздри, полезла в карман халата – там всегда для неё была припрятана корочка хлеба. – На, на, сладница, – протянула сухарик Милке, – а сейчас марш в стойло на дойку! Коза привычно забралась на подставку. После дойки я отнесла домой молоко, процедила через ситечко. В ситечке осталась белая пушистая пена. Настала пора разнести воду. В курятнике всё было по-прежнему: петушок лежал. Вокруг толпились куры, потихоньку его поклёвывали: – Кыш, черти! Обрадовались! – я взяла петуха под мышку, вышла из сарая. Сосед Петрович, высокий, хмуроватый мужчина, кивнул головой в знак приветствия, дал совет: – Что ты с топором вечно возишься? Вон, сверни шею, и все дела. Надо сказать, моего мужа часто не бывало дома: он работал охранником, поэтому «отправлять» кур на еду мне приходилось самой. «Ты, Петя, на суп, конечно, не годишься, а вот собаку Белку, пожалуй, тобой попотчую. Куда деваться? Ты не обижайся. Судьба такая».

коридору, улыбались: они понимали, что мешать не стоит. А палатная певунья, чуть передохнув, заводила новый куплет: – Ох, Матаня, ты, Матаня, Вся ты измоталася. Было сорок килограмм, Семьдесят осталось! Ах! – Надежда, чистая и светлая душой, как ребёнок, уходила в свои мысли, может быть, в детские воспоминания, может, в годы юности. Выпевая незатейливые, игривые куплеты, она о чём-то тайно тосковала: то ли о несбыточном, то ли о потерянном. В палате стояла тишина, напевы Надежды бередили душу и уводили туда, где каждый был наедине с собой...

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ ПЕТИ-ПЕТУШКА

Зимний рассвет вяло бродил за окном. Вставать не хотелось. Сумерки в комнате ослабляли душу. Наконец, сбросив сонную лень, я решительно поднялась: – Всё. Хватит валяться! Пора заниматься делами. Одеюсь, умылась, выпила чашку кофе, заторопилась в курятник: дать корм птицам. Когда открыла дверь, оттуда пахло тёплым пометом. Из голубой пластмассовой бочки зачерпнула ведро пшеницы, растрясла по корытцам. Зёрна в этом году уродились одно к одному: ровные, ядрёные. Куры, кудахтая, со всех ног заторопились к любимой еде. – Будешь, будешь! А кем же тебе ещё быть? Продолжишь нашу васюковскую династию хлеборобов. Дело это святое и надёжное. Мать тоже понимала, что всё будет именно так: Колька учился в школе не ахти – в дневнике были сплошные тройки. – «На земле всем хватит места для работы», – рассуждала она, тая мотыгой сахарную свёклу. ...После восьмилетки поехал Колька учиться в райцентр на шофёра широкого профиля. Мгновением мелькнули два года. Едва успел сдать экзамены, переступить порог дома, пригласили его на комиссию в районный военный комиссариат. Там уже имелись свои виды на Николая, будущего призывника. Шла война в Афганистане – парни из Советского Союза выполняли там свой интернациональный долг. На следующий день Николай был призван в ряды Вооружённых Сил. Двухмесячная краткосрочная учебка и... перелёт в Афганистан. .

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.